

радио, испущанной крупно и четко:

«На «Новороссийске» я служил турбинистом-машинистом кормовой турбомоторной группы БЧ-5. Жили мы в 32-м кубрике, ют, правый борт, ниже жилой палубы 28-го кубрика. По чертежу корабля это была кормовая шкиперская кладовая. Ее приспособили под жилье и назвали 32-й кубрик.

Когда поступила команда «Якорной вахте заступать», я — дневальный по 32-му кубрику — стоял у телефонной панели. Горели ночники. В кубрике четыре телефона: ГКП, ЗКП, ПЭЖ¹ и 4-я электростанция.

Чтобы случайно не задремать на вахте, я держал в руке трубку телефона. Вдруг трубка вырвалась из рук — весь корпус корабля резко вздрогнул. Вырубилась светильники. Я включил аккумуляторное освещение. Первая мысль была такова: линкор резко толкнул водолей, швартуясь к борту. Но затем пошло непонятное — заиграли боцманские дудки: «Аварийная тревога!» Я поднял спавших матросов и через минуту-две остался в кубрике один. Схватил все четыре трубки и стал слушать команды по кораблю. Но понять ничего было нельзя: хотя все телефоны исправно работали, но команды шли непонятные. На мои вопросы никто не отвечал, и меня никто не слушал. Через какое-то время в кубрик прыгнул мой годок и земляк Женя Хижняк. С нескольких его слов я понял: где-то в носу взрыв. Больше он и сам ничего не знал. Схватил бушлат и убежал. Вскоре заработала трансляция и из динамика загremело: «Боевая тревога!!!»

По «боевой» я расписан в рулевой машине. Я выскочил на верхнюю палубу и первое, что увидел: весь линкор освещен прожекторами. По правому борту юта стояло очень много матросов. В это время в районе командирского трапа боцман заиграл сигнал «Захождение», и на корабль поднялся командующий флотом

¹ Главный командный пункт, запасной командный пункт, пост энергетики и живучести.

вице-адмирал Пархоменко. Дальше последовала его команда «По местам стоять! За живучесть бороться!»

Мое место — снова в 32-м кубрике. Там уже горел свет, работала трансляция, но понять ничего было нельзя: какие-то команды, приказы, шум, крик. А крен нарастал. Начали валиться с коек матрасы и подушки. Из коротких ответов ребят, которые забегали в кубрик, я понял: на корабле есть убитые и раненые. Крен становился все круче и круче, и я ждал, что сейчас последует команда: «Покинуть помещение». Я выскочил на трап и высунулся из люка. Палуба 28-го кубрика скособочилась на левый борт градусов на 45—50. В 28-м было полно матросов. Каждый за что-то держался, но постепенно ребята срывались на левый борт. Здесь я увидел Костю Радзинского (моториста), он крикнул: «Сейчас опрокинемся! Прощайте, товарищи!» Оторвался от перил-ограждения люка и полетел на левый борт. В это время палуба 28-го кубрика резко перевернулась, и меня толкнуло воздухом вниз — в 32-й. Еще горел свет, и в своем люке я увидел руки и голову матроса. Я схватил его, и мы вкатились в наш кубрик. Вырубился свет, и вода с ревом ринулась в люк. Резко давануло на уши.

Под нашим кубриком был вентиляционный трюмчик глубиной около метра. В нем хранились чемоданы, лишние матрасы и прочие вещи. Нас загвало водой аж в этот трюм, но вскоре она поднялась и сюда. Через какое-то время давление на уши и рев воды уменьшились. Образовалась воздушная подушка сантиметров 60—70. Придя в себя, мы заговорили. Первый вопрос задал он: «Где мы?» В двух словах я объяснил. «Где выход наверх?» «Выход только один, и тот вниз: через 32-й кубрик в 28-й, дальше люк № 28 и трап на верхнюю палубу». «Это уже не для нас. Будем надеяться на помощь сверху».

Рев воды и свист воздуха продолжались. Где-то далеко-далеко пели «Варяга» и стучали. Стуки глухие и звонкие, далекие и близкие. Вода в темноте очень ярко фосфоресцировала. Познакомились: Вася Хабибулин, артиллерист 4-й башни. Во всю грудь — татуировка линкора, третий год службы. Эту татуировку я ежедневно видел во время утренней зарядки. Меня он запомнил из-за малого роста: метр шестьдесят четыре.

Рассказали кое-что о себе, договорились: останемся живы — не забудем друг друга. Гадали, сколько прошло времени. Нашли гаечный ключ и стали стучать. Очень захотелось спать. Спать нельзя!

В корме от нас где-то в румпельном отделении стуки прекратились. Очень долго и много стучали в носу от нас, примерно там, где правая ходовая машина. Нельзя спать! Надо стучать! Нас спасут! Воздух не травит, уровень воды постоянен — значит, не затопит.

Вдруг заработала настройка трансляции: сначала захрипело-зашипело, кто-то дунул в трубку, дальше четко: «Всем! Всем! Всем! Кто меня слышит, ударьте в корпус». Застучал, казалось, весь линкор. Слышимость была отличная. Даже доносились разговоры посторонних у микрофона. Дальше пошли команды: «Я называю помещение, вы отвечаете двумя ударами».

Слышимость стала хуже. Мы поняли, начали с носа. Когда дошли до нас, слышимость снова улучшилась. Мы начали отстукивать номера шпангоутов. Нас поняли — 186—198. Борт правый. Потом (в районе этих шпангоутов), начиная с верхней палубы, нам стали называть помещения. Наверно, раз двадцать нам называли 28-й кубрик, а дальше «шкиперская кладовая». Мы отвечаем — три удара (нет). Никакой «шкиперской кладовой» ни я, ни Вася не знали. Они называли помещения по чертежу корабля, а по жизни для нас это был 32-й кубрик. Мы много раз выстучали: «32—32—32». Нас не понимали. Вопрос: «Вас 32 человека?» Ответ: три удара (нет). Слышны разговоры посторонних: «Они не знают, где находятся». Мы отвечали резкой протестующей дробью. В это время в зону чувствительности микрофона вошел командир нашей кормовой турбомоторной группы и кого-то спросил: «Может, 32-й кубрик?» Тут мы дали «салют», наверно, тысячу ударов ключом. Нас поняли! И сразу вопрос: «Вы в 32-м кубрике?» Ответ: 2—2—2 (да-да-да). Все сразу стало на свои места. Голос из-за борта: «Приказываю держаться до последнего. Вы будете спасены! К вам идут водолазы!»

Дальше вопросы: «Сколько человек? Сколько воздуха?» Вопрос. Ответ. Вопрос. Ответ. Передают: «Водолазы под верхней палубой». Ответ: 2 раза (поняли). «Водолазы в 28-м кубрике». Ответ: 2 удара (по-

няли). «Водолазы в районе люка № 32». Ответ: 2 удара (поняли).

Спать уже не хотелось!

Дальше в воде под люком забрезжил свет. А вскоре увидели и самого водолаза с прожектором, кислородниками, бутылкой какой-то и нашими жизнями в руках!!! Он крикнул в свой телефон: «Дошел!» — и нам было все слышно. Мы держали его за руки. Он просит увеличить давление воздуха. Я подсунил два пальца под манжет его рукава. Наша воздушная подушка стала расти. Воду отжали сантиметров на 70. Потом пили какао из бутылки. Учились дышать в кислородных аппаратах. Я еще в учебном отряде несколько раз надевал такой аппарат. Нас, машинистов, знакомили с ними. Вася — артиллерист. Его не учили. Выводить решили первым Васю (третий год службы). Водолаз приказал нам одеться, иначе оцарапаемся при выходе (робы плавали рядом). Вася надел аппарат, и оба ушли под воду. Прошла вечность, пока водолаз наконец вернулся и сказал: «Живой». Дальше взял меня под мышки и вниз. Последнее, что помню, — потух свет. Как проходили затопленные помещения — не знаю. Потом увидел белый свет: вечер или утро, но очень пасмурное, и трап, по которому поднимались вдвоем. Обнял своего спасителя за голову и поцеловал в медный шлем. Меня раздели и затолкали в барокамеру. Сразу жутко замерз. Через шлюз камеры подали что-то в стакане. Показали: пей! Выпил и понял — спирт. Мгновенно уснул. Так закончилась наша с Васей подводная эпопея, которая тянулась целых 52 часа (после подсчитали в госпитале).

Проснулся от разговоров людей в белых халатах.

Вопрос: «Как себя чувствуете?»

Ответ: «Спасибо. Всем! Всем! Всем!»

Хотел встать. «Лежать!» Проверили (подвигал) руки, ноги, голову.

Вопрос: «Встать можешь?»

Ответ: «Могу и сплясать!»

Наконец вышел из камеры. Воздуха — миллион глотков. День очень пасмурный, идет крымский дождь. Меня во что-то завернули и на катер. Дальше — госпиталь. Все это время видел только людей в белых халатах. Кто они — не знаю. Врачи, командиры? Не знаю, но это мои спасители!!!

После рассказали. Почти трое суток спал. На третьи сутки пришел в себя, но не смог говорить. В горле что-то шипело. Голова работала четко. Тело сделалось почти все синее. Врачи сказали: в горле кислородный ожог — пройдет! По телу пошла «кессонка» — пройдет! Для меня и то, и то — арабская гримота.

В палате увидел Васю Хабибулина. Уже на «этом свете»! Вася рассказывал кому-то, кто мы и как называться. Я подтверждал письменно — карандашом. После мы узнали, что попали в «черные списки». На родину ушли похоронки. Какой удар для родителей — подумать страшно.

В то время в поселке Гвардейское Крымской области служил брат моего отца — командир полка морской авиации полковник Усенко Константин Степанович, Герой Советского Союза. Я с помощью карандаша рассказал об этом какому-то старшему лейтенанту. Старший лейтенант через штаб ВВС ЧФ разыскал дядю, и через день Константин Степанович был в госпитале. Вдогом похоронке он послал телеграмму-опровержение. Родители успокоены. Я должен выздороветь!!!

В госпиталь приходило очень много друзей-моряков, пионеров, студентов, матросских матерей, офицеров, и мы были буквально завалены подарками. Нашу палату посетил даже командующий ЧФ вице-адмирал Пархоменко. Он пожелал нам быстрого выздоровления, поблагодарил за службу и сказал: «Вы будете достойно награждены». Но это так и осталось на словах. В госпитале я лежал дней 18—20. За это время несколько раз ездил на Инженерную пристань на опознание. Это жутко и жестоко!!! Я не узнавал вчерашних друзей! Своего земляка и друга Женю Хижника я так и не нашел...

Прямо из госпиталя демобилизовался Вася Хабибулин. Уехал домой в Уфу. Вполне здоров. Мне приказал: «Выздоровливай!» Он татарин, до призыва жил в Уфе, старший в семье, три сестренки. На прощание мы крепко обняли друг друга, и он сказал: «Ты заговоришь без карандаша. И еще расскажешь на своей родине о тех, кто уже молчат. Навеки!»

Дней через двадцать меня обмундировали, выдали документы и чемоданчик и отпустили на два месяца для поправки на родине. С этим чемоданчиком я поехал на Северную сторону и поклонился могилам моих не-

давних друзей-моряков. Вернулся в город, пошел на кладбище Коммунаров: «Простите, братишки! Я вас не забуду!»

После отпуска вернулся в Севастополь и продолжил службу на крейсере «Куйбышев». Речь постепенно восстановилась, и сейчас я разговариваю вполне нормально. На «Куйбышеве» служил в рулевой машине. Дослужился до старшего матроса. Часто приходилось водить родителей погибших товарищей на могилы сыновей и рассказывать про их службу и мужество.

В феврале 1957 года меня досрочно демобилизовали в запас. Пока служил, все время поддерживал связь с Васей Хабибулиным. Знаю, что женился. Родился у него сын Хаким. И связь потерялась.

После демобилизации работал в шахте. Потом Кавказстан — целина. Работал комбайнером. Награжден Знаком ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель». В 63-м году вернулся на родину. Сеял и косил хлеб до 1973 года.

Живу в Славянске, работаю трактористом. Женат. Имею сына и внуков.

Бывший старший матрос Н. Семиошко.